(НЕ)ОТПУЩУ

Карен Верден

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Карен Верден
(Не)отпущу

https://litres.ru/74871357
SelfPub; 2026

Аннотация

Лилит живёт по правилам, которые выжгли в ней дом и пансион: держи спину к стене, вскрывай упаковку сама, никому не говори, где болит. Единственное окно в её крепость — плющ под окном и парень, который лезет через него, не спрашивая разрешения.

Ник — мотогонщик со шрамом, но не тот, кем кажется. Он не стучался. Он просто появился — ночью с сигаретой и правдой, от которой у неё перехватило дыхание.

Но у этой правды есть цена. У чьей-то карьеры — репутация. У кого-то — чек с цифрой, за которую продают молчание.

Роман о том, как двое людей с одинаковыми шрамами ломают друг о друга броню. И о том, что случается, когда между ними встаёт тайна, за которую уже заплатили.

Содержание

Глава 1 4

Карен Верден
(Не)отпущу

Глава 1

Глава 1.

Дверь машины захлопнулась с тяжелым глухим щелчком. Отец даже стекло не опустил — просто развернулся через сплошную и втопил педаль в пол. Черный седан растворился за поворотом, оставив на гравии сизый шлейф выхлопа. Для него эта ссылка была наказанием. «У тебя одно условие: учиться без сбоев. Не позорь фамилию перед выборами». Ни взгляда в глаза, ни дежурного объятия. Сдал меня, как сдают бракованную деталь на склад временного хранения.

Я стояла на обочине, засунув руки в карманы безразмерного худи. Ветер пах не дорогим парфюмом из мраморных холлов, а сырой корой, печной гарью и прелой листвой. Плечи сами опустились вниз, сбрасывая каменный зажим. Наконец-то никаких шпилек, никаких вспышек камер и дежурных улыбок до ломоты в скулах.

Входная дверь была приоткрыта на пару дюймов — из щели аппетитно пахло корицей. Тетя вылетела на порог еще до того, как я занесла ногу на верхнюю ступеньку. Руки у нее были в муке, фартук криво завязан на талии. Она сгребла

меня в охапку с такой силой, что у меня аж ребра хрустнули.

— Наконец-то! — выдохнула тетя прямо мне в капюшон. — Господи, наконец-то хоть одна живая душа в этом склепе. Дай посмотрю.

Она отстранилась, цепко впившись пальцами в мои плечи. Ее взгляд сразу зацепился за темные круги под моими глазами, за сжатые в нитку губы, но жалости в ней не было ни капли — только острое понимание.

— Роберт тебя все-таки выпихнул.

— Не выпихнул. Спрятал, — я бросила сумку на крашеный пол у вешалки. — Ему перед конгрессом нужна образцовая семья, а я в кадр не вписываюсь. Слишком много дергаюсь.

— Ну и к черту его кадры, — тетка махнула полотенцем в сторону кухни. — Снимай кроссовки. Чайник уже свистит.

На кухне на подоконнике сохла герань с пожелтевшими по краям листьями. Стол хранил следы от ножа и въевшиеся темные круги от горячих кружек. Никакого хрусталя, никакого полированного гранита, хотя все было современным— красота! Тетка грохнула передо мной жестяную банку с кривым печеньем. Шоколадные крошки на дне перекатывались от каждого движения. Я взяла одно, разломила. Тесто крошилось прямо мне на колени. Есть не стала, положила на место. С улицы, перекрывая шелест деревьев, внезапно ударил тяжелый, гулкий бас. Стекло в раме тонко звякнуло. Завибрировала чашка на столе.

— Начинается, — тетка даже головы не повернула, наливая кипяток.

— Что это?

— Центр. Два квартала вниз по холму. Там вся эта шваль круглосуточно трется: мажоры, гонщики, клубы, шмотки втридорога. Днем спят, к вечеру выползают делить территорию. Сюда только шум долетает. Здесь тихо. С одной стороны пенсионеры с газонокосилками, с другой — особняки тех, кто не светится в газетах. Публика пестрая. На любой вкус, если решишь вляпаться.

Я покачала головой, глядя, как пар поднимается от кипятка.

— Не решу. Наелась.

— Вот и отлично, — тетка вытерла руки о фартук и кивнула на потолок. — Пошли, покажу, куда твои кости бросить.

Ступени вели на второй этаж. Коридор пах старым лаком. Дом был красивым, но немного запущенным. Комната в конце оказалась почти пустой. Светлые стены, узкая кровать с плотным серым пледом, деревянный стол у окна и чистые полки. На подоконнике стояла пустая кружка из серой глины. Я подошла к окну и толкнула раму. В комнату ворвался холодный сквозняк, весело шевельнув тюль.

— Если захочешь перекрасить стены или выбросить кровать — говори сразу, — тетя прислонилась к косяку, скрестив руки на груди. — Деньги дам.

— С деньгами у меня проблем нет, — я достала из задне-

го кармана пластиковую карту и бросила ее на подоконник. Карта звонко щелкнула о дерево. — Отец щедрый, когда надо заткнуть мне рот. Лимита нет. Я пробовала спустить все в ноль — покупала шмотки ящиками, заказала тачку, которую даже из салона забирать не стала. Карточка не блокируется. Для него это просто плата за то, чтобы я не отсвечивала.

Тетка хмыкнула, разглядывая пластиковый прямоугольник:

— Клетка с золотыми прутьями.

— Зато открытая, — я села на матрас. Он скрипнул, пружины мягко просели под моим весом. — Можно я сегодня просто посижу здесь? Без разговоров, без распаковки.

— Сиди сколько влезет, — тетка потянула за ручку двери, прикрывая ее наполовину. — Колледж твой в двадцати минутах на автобусе. Или бери мой драндулет, если не боишься, что у него глушитель отвалится на светофоре.

— Отец пришлет завтра мою машину, не беспокойся. Но я хочу покататься на автобусе.

Я легла на спину, не снимая худи, закинула руки за голову и уставилась в побеленный потолок с мелкой сеткой трещин над люстрой. Внизу снова дрогнуло стекло от далекого баса, но здесь, в полумраке комнаты, до него мне не было никакого дела.

— Слушай, — я резко вскочила с матраса. — Я до магазина дойду. Чего-то хочется, а чего — сама не знаю. Тут же пара шагов за угол?

Тетя прищурилась, сканируя мое лицо тяжелым, цепким взглядом:

— Дойдешь. Только вместе со мной.

— Нет, — я отрезала жестче, чем планировала. — Мне надо одной. Ровно пять минут. Просто выйти на улицу и знать, что за спиной никто не караулит каждый вдох.

Тетя помолчала пару секунд, потом коротко мотнула головой:

— Десять минут, Лили. На одиннадцатой я выхожу тебя искать с монтировкой наперевес. Без обид. И если тебе нужны сигареты — так и скажи, я не буду тебя ругать.

— Спасибо, — я накинула куртку и выскользнула в коридор.

Она так и осталась стоять у перил, скрестив руки на груди. Взгляд настороженный, но без лишней опеки. Дверь за моей спиной щелкнула, отрезая домашнее тепло. Ночной воздух ударил в лицо сыростью и гарью. Под подошвами кроссовок сухо хрустел гравий. Магазин маячил ярким пятном прямо за поворотом — стеклянная витрина, гудящая неоновая вывеска, полусонная кассирша за стойкой, залипшая в экран мобильника. Я молча сгребла с полки жестяную банку с печеньем и пачку сигарет. Бросила на прилавок смятую купюру, не дожидаясь чека, прижала банку локтем к боку и толкнула плечом стеклянную дверь наружу.

И только закурив на выходе, сообразила, что тишина кончилась. Фонари здесь стояли через один, асфальт вздыбил-

ся корнями старых вязов. А из проулка справа тот самый тяжелый бас колотил по барабанным перепонкам уже не глухим эхом, а плотной вибрирующей стеной. В воздухе отчетливо пахло жженой резиной, пивом и чужой злостью. Граница между тихими домиками с геранью и дном этого городка проходила буквально по трещине на дороге. Я свернула в сторону дома, но сделать и двух шагов не успела. Из темноты проулка с глухим стуком вывалилось тело. Следом — три здоровых лба.

Классика: трое на одного. Тот, что повыше, вбил парня спиной в кирпичную кладку стены, держа за горло расстегнутой куртки. Второй с оттяжкой, коротко и методично всаживал кулак ему под дых, выбивая воздух. Третий стоял на стреме и ржал, сплевывая шелуху от семечек под ноги. Парень у стены даже не закрывался — только судорожно дергал подбородком, пытаясь достать ногой чужое колено. Мозги у меня отключились раньше, чем сработал инстинкт самосохранения. Сигарета и жестяная банка с грохотом полетели на асфальт. Пальцы сами нащупали на земле тяжелый обрезок ржавой водопроводной трубы.

— Эй, уроды! Отвалили! — мой голос сорвался, прозвучав визгливо и бешено.

Тот, что ржал, резко обернулся. Рожа опухшая, зрачки мутные. Он даже разбираться не стал — просто шагнул ко мне и с размаху толкнул ладонью в грудь. Удар отбросил меня на пару метров, спина с треском впечаталась в шершавый

бетон забора. В глазах полыхнули белые искры, но трубу я из пальцев не выпустила. Наоборот — перехватила двумя руками, выставив перед собой, как биту.

— Сунешься ближе — башку раскрою, клянусь, сука!

Парень ухмыльнулся, собираясь сделать шаг, но тут из-за поворота улицу вспорол вой сирены. По стенам гаражей хлестнули красно-синие всполохи мигалок, вырывая из темноты облупленный кирпич и лужи.

— Сваливаем!

Троицу сдуло за полсекунды — растворились в проходных дворах быстрее бродячих псов. Вой сирены пронесся дальше по параллельной улице, оставив после себя оглушающую тишину. Я с грохотом уронила трубу на камни, чувствуя, как мелко трясутся колени, и бросилась к телу на асфальте. Парень хрипел, согнувшись на боку. Сплюнул темный сгусток крови, уперся дрожащими ладонями в землю, попытался подняться — и тут же рухнул обратно, глухо зарычав от боли сквозь зубы. Я рухнула на колени прямо в дорожную пыль. Ткнула краем рукава толстовки ему в рассеченный висок — плотная ткань мгновенно налилась темным липким пятном.

— Поднимайся, — выпалила я, сбиваясь на рваный шепот. — В больницу. Бегом.

Парень мотнул головой, зашипел от резкой боли и скривился так, будто его выворачивало наизнанку.

— Никаких больниц, — прохрипел он, сплевывая на гра-

вий кровь. — Меня там каждая собака в лицо помнит. Сразу копы подтянутся, вопросы начнутся, а дальше… — он резко полоснул ладонью по воздуху, обрывая фразу. — Короче, нахер. Хуже сделаешь.

Я впилась в него взглядом. Фонарный свет падал косо, выхватывая из темноты острое, жесткое лицо: резкие желваки, намокшие от пота темные пряди и белесая полоса шрама, вспоровшая кожу от уголка губ почти до самого уха. Старый след, глубокий, навсегда.

— Тогда заткнись и ползи за мной, — отрезала я, не давая ему опомниться. — У тетки на кухне полная аптечка. Перекись, бинты, пластыри. Будто задницей чуяла, что я в первый же час найду, куда вляпаться.

Он выдавил короткий сухой смешок — хриплый, без грамма веселья:

— Ты либо психованная, либо дура.

— Второе, — я вцепилась ему в локоть. — Психованной стану, если ты сдохнешь у меня под забором. Вставай давай, хватит рассиживаться.

Он снова заскрежетал зубами, попытался опереться о кирпичную кладку, и я тут же вбила свое плечо ему подмышку. Парень навалился всем весом — тяжелый, как бетонная плита. От него пахло табаком, медью свежей крови и холодной уличной гарью.

— Доминик. Можно Ник, — выдохнул он через силу, будто каждая буква стоила ему ребра. — И нет, на свет я вылез

в среду, шутить не советую.1[1]

— Лилит, — фыркнула я, с трудом удерживая равновесие и подстраиваясь под его рваный, хромающий шаг. — И можешь расслабиться: демон во мне просыпается, только когда нет кофе.

Я втащила Ника на крыльцо буквально на зубах — плечо отваливалось, а его ботинки с глухим стуком пересчитывали деревянные ступени. Дверь распахнулась раньше, чем я успела дотянуться до ручки. Тетя застыла на пороге в полосатом махровом халате, с тяжелой монтировкой наперевес. Ее взгляд метнулся от взъерошенной, перепачканной пылью меня к повисшему на моем плече полуживому парню с разбитым в кашу лицом. Монтировка в ее пальцах дрогнула, но не опустилась.

— Мать честная… — выдохнула тетя, и в этом шепоте смешались ужас, злость и обреченность. — Лили, ты в городе ровно два часа. Два, черт подери, часа! Ты где его выкопала? На кладбище?

— Почти, — прохрипела я, чувствуя, как Ник опасно заваливается набок. — Тетя Марта, давай лекции на утро. Или мы его заносим, или он зальет тебе кровью весь коврик у входа.

Тетка шумно втянула воздух сквозь зубы, выругалась

---

[1] **Доминик** — мужское личное имя латинского происхождения. Оно происходит от слова **Dominicus**, которое, в свою очередь, связано с фразой **dies dominicus** («день Господень», то есть воскресенье). **Основные значения имени:** «принадлежащий Господу»; «родившийся в воскресенье».

вполголоса — коротко и на удивление грязно, — но тут же шагнула вперед, перехватывая Ника со второй стороны. Вдвоем мы заволокли его в узкую прихожую.

— Наверх не потащим, шеи свернем, — скомандовала Марта, кивая на дверь в конце коридора первого этажа. — В гостевую. На старый диван. Я за аптечкой и полотенцами. И только попробуй сказать, что за вами хвост.

— Хвоста нет, копы спугнули, — бросила я, сгружая парня на продавленный велюр.

Диван натужно взвизгнул пружинами. Ник глухо застонал, откинул голову на валик и прикрыл глаза. В желтом свете настольной лампы его лицо выглядело еще паршивее: скула наливалась фиолетовым, бровь рассечена, а шрам казался воспаленным и багровым.

Марта вернулась через минуту, грохнула на журнальный столик жестяную коробку с красным крестом, пластиковый таз с теплой водой и чистую простыню.

— Обрабатывай сама, раз приволокла, — она поджала губы, смерив парня тяжелым взглядом. — Я гляну, что на кухне осталось. Если он сейчас здесь откинется, мне потом с шерифом до пенсии не расхлебать.

Когда дверь за ней закрылась, я опустилась на колени прямо перед диваном. Открыла пузырек с перекисью, щедро плеснула на ватный диск и без предупреждения прижала к рассеченному виску. Шипение белой пены смешалось с резким вдохом Ника. Его пальцы мгновенно впились в край ди-

вана, костяшки побелели.

— Твою ж… Предупреждать надо, — прохрипел он, не открывая глаз.

— Потерпишь, не хрустальный, — огрызнулась я, но движения невольно сделала чуть мягче. Ватка за ваткой я стирала с его скул грязь, запекшуюся корку и дорожную пыль. — Ребра целы?

— Дышать больно. Но не хрустит. Жить буду.

— Жаль, а я уже придумывала, где тебя закопать.

Я наклеила пару пластырей, стянула края раны на брови и обтерла его ладони влажным полотенцем — сбитые в кровь костяшки говорили о том, что пары ударов он тем уродам все-таки отвесил. В комнату снова заглянула тетя, неся глубокую миску с дышащей паром тушеной картошкой, пирогом и большую кружку сладкого чая. Поставила на край стола, бросила короткое «не шумите» и ушла к себе, демонстративно щелкнув замком на втором этаже. Дверь за ней закрылась, оставив в воздухе тяжелый запах травяных капель и холодной веранды. Я пододвинула миску ближе к краю журнального столика и сунула парню в ладонь тяжелую ложку:

— Ешь. Но готовила не я, так что не могу гарантировать, что не отравишься.

Ник замер с ложкой на весу, приоткрыл один заплывший глаз и недоверчиво покосился сначала на исходящую паром картошку, потом на меня:

— Это что, шутка такая гостеприимная? Или ты меня до-

бить решила, чтобы не мучился?

— Горький опыт, — сухо бросила я, даже не дрогнув лицом.

— Я ем только то, что приготовила собственными руками из закрытых пачек. А теткины кулинарные шедевры проверяй на себе. Да и пахнет яблоками, а у меня на них отек Квинке. Так что если там хоть кусочек яблока — я труп быстрее, чем ты от своих побоев.

Доминик пару секунд буравил меня тяжелым взглядом, пытаясь понять, блефую я или нет, а затем хрипло, коротко усмехнулся:

— Веселая у тебя семейка. Ладно, рискнем. От голода я сдохну с большей вероятностью, чем от твоей тетки.

Он зачерпнул полную ложку, поморщился, когда движение отозвалось в ребрах, но миску опустошил за пару минут, будто не ел дня три. Горячий чай допил одним долгим глотком, со стуком опустив кружку на стол.

— Живой? — я скептически вскинула бровь.

— Пока не скрутило, — выдохнул он, откидываясь на спинку дивана. В его голосе больше не было уличной спеси — только дикая, выматывающая усталость. — Спасибо. За все. Правда.

— Утром спасибо скажешь, если встать сможешь, — я развернула принесенный шерстяной плед и швырнула ему на ноги. — Спи. Моя комната прямо наверху, перекрытия тонкие. Надумаешь шарить по углам — услышу сразу. А брать

тут все равно нечего, кроме моего дурного характера.

Ник коротко дернул уголком рта, и белесая полоса шрама на щеке натянулась в кривой усмешке:

— С твоим характером, Лилит, тебе и оружие не нужно.

Я фыркнула, щелкнула выключателем, погружая комнату в полумрак, и тихо прикрыла за собой дверь.

Около трех ночи жажда допекла меня окончательно. Горло саднило, а мысль о ледяной воде из крана пересилила лень. Я бесшумно выскользнула из-под теплого одеяла, натянула растянутые домашние штаны и на цыпочках начала спускаться по темной лестнице. На первом этаже царила мертвая тишина, которую вдруг вспорол глухой, сдавленный стон. Я замерла у перил, вслушиваясь. Звук повторился — прерывистый, мучительный, с хрипом на выдохе. Сердце кольнуло дурным предчувствием. Я толкнула дверь в гостевую. В нос сразу ударила тяжелая духота с привкусом железа и спертого жара. Ник разметал плед, бился головой о валик дивана и тяжело, судорожно хватал ртом воздух сквозь стиснутые зубы. Рубашка промокла насквозь и противно липла к его груди.

— Не надо… сука, уйди… — неразборчиво прохрипел он, слепо отмахиваясь от кого-то невидимого. — Я сказал, назад…

Я подошла вплотную и осторожно коснулась его лба тыльной стороной ладони. Кожа буквально пылала — не меньше тридцати девяти, воспаление пошло вразнос.

— Твою дивизию, Доминик, только сепсиса мне тут не хватало, — выругалась я себе под нос и метнулась на кухню.

Через минуту я уже несла обратно глубокую миску с ледяной водой и стопку вафельных полотенец. В аптечке нащупала ампулы с жаропонижающим, но колоть побоялась — черт его знает, какие у этого уличного бойца скрытые болячки и реакции. Пришлось спасать дедовским методом. Я отжала ткань, сложила в несколько слоев и опустила ему на пылающий лоб. Ник дернулся, глухо зарычал и попытался сбросить компресс, но я намертво перехватила его горячее запястье с бешеным, скачущим пульсом.

— Тихо. Лежи, кому говорю. Это я.

Он что-то невнятно забормотал, слова путались, срывались на свистящий шепот: то звал кого-то по имени, то снова сжимал кулаки, порываясь драться с тенями на потолке. Я методично меняла полотенца, обтирала ему шею, пылающие виски и сбитые ключицы, смачивала потрескавшиеся губы водой. Счет времени потерялся напрочь. За окном шелестел мелкий ночной дождь, мерно стучали старые ходики на стене. Ника то колотило крупной дрожью, то снова бросало в дикий жар. Я устроилась на самом краешке дивана, подогнув под себя одну ногу, и каждые десять минут терпеливо опускала полотенце в стылую воду. Ближе к пяти утра его дыхание наконец выровнялось, метания прекратились, а горячечный румянец сменился сонной бледностью. Глаза слипались сами собой, сил не осталось вовсе. Я привалилась к спинке

дивана, пообещав себе прикрыть веки буквально «на пару минут», и провалилась в тяжелую, вязкую темноту.

Проснулась я от непривычного ощущения духоты и непонятной тяжести. Кто-то крепко, нагло и совершенно по-хозяйски прижимал меня к себе. Я распахнула глаза и первые пару секунд вообще не соображала, где нахожусь: моя голова покоилась на чужом плече, а поперек талии лежала тяжелая рука Ника. Он притянул меня вплотную, будто большую плюшевую подушку, уткнулся носом мне в макушку и мерно посапывал. От него все еще шло ощутимое тепло, но удушающего жара уже не было — обычный, живой человек. Я моргнула, собираясь аккуратно вывернуться из этой железной хватки и от души врезать ему под дых для профилактики, как вдруг дверь распахнулась без малейшего стука. На пороге нарисовалась тетя Марта. В том же домашнем халате и с огромной кружкой кофе.

Она замерла, окинула взглядом таз с мутной водой на полу, груду мокрых полотенец, вскрытую пачку парацетамола на тумбе и живописную композицию из нас двоих на диване. Ее бровь медленно поползла вверх — с убийственной, красноречивой выразительностью. Ник зашевелился, глухо простонал спросонья и сгреб меня еще крепче, буквально вжимая в свои ребра.

– Лапу убрал, – процедила я ему в шею, стараясь не шевелиться. – Живо. Пока пальцы не переломала.

Он вздрогнул и распахнул ошалевшие, мутные со сна гла-

за. Взгляд метнулся от моего лица к своей руке на моей талии, а затем — к Марте в дверях. Руку сдуло за долю секунды, будто диван под нами вспыхнул. Ник шарахнулся к спинке, с глухим стуком приложился затылком о деревянную накладку, зашипел от боли и схватился за ушибленное место.

– Блять…

– Доброе утро, молодежь, – невозмутимо выдала Марта, отхлебнув из кружки. – Гляжу, палата интенсивной терапии перешла в фазу реабилитации.

Я спустила босые ноги на ледяной пол. Спина затекла так, будто по мне всю ночь катался асфальтоукладчик, а шея наотрез отказывалась поворачиваться влево. Кряхтя про себя, я нагнулась и подняла миску, в которой сиротливо плавала серая от пота тряпка.

– У него ночью под сорок было, – хрипло пояснила я, оправдывая весь этот бардак. – Бредил, рвался куда-то воевать. Пришлось остужать, чтоб копыта не двинул прямо на твоем любимом ковре.

Марта неторопливо подошла ближе, пристроила свою кружку на подоконник и с хозяйской бесцеремонностью припечатала ладонь к шее Ника. Тот дернулся, как ошпаренный, но она вцепилась намертво — от нее так просто не сбежишь.

– Жар спал. Пульс частит, но жить будет, – вынесла вердикт она. – Рубашку сними, она мокрая до нитки, закину в стирку.

Ник сидел взъерошенный, серый, с огромными темными

кругами под глазами. Но его взгляд больше не плыл — он мгновенно собрался, стал цепким и до предела настороженным. Морщась от боли в ребрах, парень стянул через голову прилипшую к спине ткань. Зрелище открылось так себе: на боку наливался темно-бордовый кровоподтек размером с кулак, а на плече чернела старая рваная ссадина. Марта только выразительно цокнула языком и метнула в него сухое полотенце прямо из шкафа:

– Чистые футболки на стуле, остались от сына. В холодильнике еда. Через пятнадцать минут жду обоих за столом. И только попробуй свалить в таком виде, герой, – она ткнула пальцем прямо ему в нос. – Пойдешь на улицу — рухнешь на первом перекрестке, а мне потом отвечай перед полицией, чей труп под забором лежит. Сидишь здесь до завтра. Понял?

Челюсти у Ника сжались до желваков. Я прямо видела, как в нем закипает привычное желание огрызнуться и встать в позу. Он вскинул глаза на меня. А я так и стояла столбом посреди комнаты — с тазом в руках, с растрепанным вороньим гнездом на голове, с отпечатавшимся на щеке рубчиком от диванной подушки — и молча буравила его тяжелым взглядом, в котором читалось: «Только вякни, и я сама тебя придушу». Он шумно выдохнул через нос, признавая поражение:

– Понял.

– Вот и славно, – удовлетворенно кивнула Марта и поплы-

ла к выходу. – Лили, поставь чайник по новой, этот остыл.

Дверь тихо щелкнула. В комнате повисла тяжелая, густая тишина. Ник торопливо натянул чужую серую футболку. В плечах она натянулась почти по швам, но налезла. Он опустил ступни на пол, судорожно вцепившись пальцами в край матраса и пытаясь поймать баланс. Голова у него явно шла кругом: парень крепко зажмурился, пережидая мутную волну слабости.

– Спасибо, – бросил он глухо, упрямо глядя в пол. Коротко, сухо — словно кость поперек горла встала, и он ее с трудом выплюнул.

– Не за что, – я поудобнее перехватила миску с грязной водой и толкнула дверь плечом. – Было бы обидно, если бы ты сдох до того, как объяснишь, за что тебя хотели убить.

Кухня встретила нас запахом остывшего травяного чая и утренней прохладой, тянущей от приоткрытой форточки. Ник ступал тяжело, все еще придерживая левый бок, но в футболке сына Марты уже не выглядел ходячим трупом — скорее просто очень злым и помятым бойцом. Я распахнула дверцу холодильника, окинула взглядом полки и кивнула на них:

— Выбирай сам, что будешь.

— Да мне без разницы, — буркнул он, подходя ближе. — Хоть гвозди.

— Вот и ковыряйся сам, я в официантки не нанималась.

Ник церемониться не стал. Без малейшего стеснения ото-

двинул меня, залез внутрь чуть ли не по пояс и выгреб контейнер с остатками вчерашней картошки, кусок ветчины и сыр. Я же достала пластиковый контейнер с клубникой, банан и запечатанный греческий йогурт с неповрежденной фольгой под крышкой. Нож глухо стучал по деревянной доске, нарезая фрукты. Когда я уже срывала фольгу, чтобы заправить салат, перед моим носом на столешницу с глухим стуком опустилась дымящаяся керамическая кружка. Я замерла. Подняла взгляд на Ника, вскинув бровь:

— Это что за жест доброй воли?

— Кофе, — он пожал одним здоровым плечом, не отрываясь от нарезки ветчины. — Держи допинг. А то снова начнешь рычать на людей. Решил перестраховаться, пока ты меня этим ножом не прирезала.

Секунду я смотрела на темную пенку, в которой плавала крошечная крупинка сахара. Сердце кольнуло старым, въевшимся под кожу холодом реанимационных ламп. Пальцы сами потянулись к ручке, я взяла кружку и одним плавным, не колеблясь, движением выплеснула темную жижу в раковину. Металл зашипел, смывая струей горячий пар. Ник даже жевать перестал. Застыл с бутербродом у рта, наблюдая за мной с немым вопросом в темных глазах.

— Я не пью то, что приготовили без меня, — сухо отрезала я, доставая новую герметичную кофейную капсулу и щелкая крышкой кофемашины. Аппарат натужно загудел, наполняя угол кухни густым ароматом арабики. Я обернулась

и добавила чуть тише: — Но… спасибо.

Он только коротко хмыкнул, пожал плечами без тени обиды и впился зубами в хлеб:

— Дикая ты, Лилит.

Мы сели за круглый стол друг напротив друга. Ник устроился ко мне здоровой стороной — профиль казался резким, хищным, а багровый шрам остался скрыт в тени его наклоненной головы.

— И кто тебя так разукрасил? — спросила я, зачерпывая ложкой йогурт с клубникой.

— Местные предприниматели, — сухо бросил он, даже не поднимая глаз от тарелки. — Передел сфер влияния. Не сошлись характерами и взглядами на чужую собственность.

Дверь тихо скрипнула, и на пороге появилась тетя Марта. Халат она уже сменила на свободный вязаный кардиган, а волосы собрала в небрежный узел на затылке. Окинула нас двоих оценивающим взглядом шерифа на пенсии, пододвинула стул и села во главе стола.

— Какие планы на сегодня, Лили? Куда лыжи навострила? — спросила она, подпирая щеку ладонью.

После вчерашней дороги и всего пережитого дерьма защитная броня сработала быстрее, чем включился мозг.

— Не твое дело, — огрызнулась я на автомате.

Марта даже бровью не повела. Только прищурилась с легкой, убийственно спокойной усмешкой:

— Я, конечно, не буду в сотый раз напоминать, чьи поло-

вицы ты сейчас топчешь. Но мягко напомню, деточка, что я твоя тетя. Пусть не по крови, но по совести и по факту. И за такой тон могу и тряпкой по губам съездить.

В груди мгновенно обожгло стыдом. Я шумно выдохнула, встала со стула, подошла к ней со спины и уткнулась носом в мягкое плечо, пахнущее сухой лавандой:

— Прости. Вырвалось по привычке. Я не хотела.

Марта накрыла мои ладони своей сухой, теплой рукой и тихо хмыкнула:

— Ладно, проехали. Грубить и портить мне нервы в этом доме официально разрешено только одному человеку — моему неблагодарному сыну.

Я вскинула голову, и внутри впервые за эти дни по-настоящему потеплело:

— Самуэль! А он где вообще? Я же сто лет его не видела, соскучилась безумно!

— Съехал твой Самуэль, — закатила глаза Марта, махнув рукой куда-то в сторону центра города. — Слишком взрослый, деловой и пафосный стал, чтобы с матерью ютиться. Но про твой приезд знает, звонил вчера, обещал сегодня заскочить. И, кстати, упаси тебя бог назвать его Самуэлем — теперь он у нас важная птица, просто «Сэм».

Ник, который в этот момент как раз делал глоток воды, резко поперхнулся. Закашлялся так, что схватился за ребра, глухо зашипев от боли, и с грохотом опустил стакан на стол.

— Самуэль?.. — прохрипел он, впиваясь ошалелым взгля-

дом в Марту. — Ваш сын?!

Марта перевела на него невозмутимый взор:

— Ну да. Рожала, воспитывала, на свою голову. А вы что, знакомы?

Ник нервно дернул уголком рта, и его лицо на миг превратилось в каменную маску:

— И как… как у такой чудесной женщины мог вырасти такой г… сынок?

— Да не стесняйся в выражениях, говори прямо — говнюк, — с невозмутимым спокойствием парировала Марта, даже не моргнув. — Вот как-то так и вырос. Упустила в пубертате. Так откуда вы друг друга знаете?

Ник медленно откинулся на спинку стула, повернулся ко мне той самой стороной, где темнел воспаленный рассеченный висок, и криво, ядовито усмехнулся:

— Да собственно… по его личному приказу меня вчера и отделали до полусмерти.

В кухне повисла звенящая, тяжелая тишина. Лишь мерно капала вода в раковине.

Марта замерла. Ее глаза медленно расширились, губы сжались в тонкую белую полоску, а цепкий взгляд буквально впился в парня напротив:

— Так ты… тот самый Доминик?

Я переводила ошарашенный взгляд с тетки на парня и обратно. В голове со звоном рушились последние логические цепочки.

— Какой еще «тот самый»?! — не выдержала я, с грохотом бросив ложку в тарелку. — Вы оба издеваетесь? Что здесь вообще происходит?!

Марта не ответила. Она лишь многозначительно поджала губы, скрестила руки на груди и молча кивнула в сторону парня, предоставляя Нику сомнительное удовольствие выложить всю правду самому. Ответа я так и не дождалась: в коридоре с грохотом распахнулась входная дверь, следом раздались уверенные, гулкие шаги.

— Где эта самая чудесная на свете демоница?! — долетел до кухни бархатный, до боли знакомый голос.

Секунда — и на пороге появился он. Твою же налево, время его только украсило! Чертовски красивый блондин с идеальной небрежной укладкой, в безупречном темном бомбере и с белозубой голливудской улыбкой. Самуэль. На долю мгновения он замер на пороге, с глухим стуком поставил оранжевую жестяную банку сока на угол столешницы и в два широких шага сократил расстояние между нами.

— Лили! Боже, я так скучал, моя Лилит!

Он буквально сгреб меня в охапку, оторвал от пола, легко покружил в воздухе и звонко поцеловал в щеку. От него пахло дорогим парфюмом, кожей и холодным ветром — контраст с запахом перекиси и железа был просто дикий.

Сэм аккуратно поставил меня на ноги, еще секунду довольно улыбался… а потом скосил глаза на стол. И улыбка сползла с его лица, сменившись бешеным оскалом.

— Ты-ы-ы?! — воздух в кухне с треском наэлектризовался. — Ты какого хрена тут делаешь, урод?!

Ник даже не вздрогнул. Наоборот, неторопливо дожевал тост, оперся здоровым локтем о столешницу и протянул с такой издевательской ленцой, что у любого бы планка упала:

— Да вот… сижу. Ем. Болтаю с твоей чудесной мамой, друг.

— Я те щас покажу «друг», мразь недобитая! — рявкнул Сэм и рванул вперед с побелевшими костяшками.

Они готовы были вцепиться друг другу в глотки прямо на кухне. Но инстинкт самосохранения этого дома включился быстрее: я пулей вклинилась прямо между ними. Разница в росте была приличная — оба возвышались надо мной на добрую голову, если не больше, но я уперлась ладонями в каменную грудь Сэма и зло сверкнула глазами на Ника.

— А ну стоять! — прикрикнула я так, что ложки в подставке звякнули. — Ваши разборки, прошлую дружбу и взаимную ненависть оставляете за порогом! Здесь — нейтральная территория и зона перемирия. Понятно?!

Они переглянулись поверх моей макушки и рявкнули абсолютно синхронно, в один голос:

— Лили, ты знаешь, какой он му…?!

— Плевать! — отрезала я. — Хоть святые, хоть конченые — мордобоя на этой кухне не будет!

Сэм шумно втянул носом воздух, собираясь продолжить войну аргументов, но вдруг его взгляд опустился ниже моей

головы. Он уставился на грудь Ника, и его брови взлетели вверх:

— Слышь… Это что, моя футболка?! Снимай. Быстро. Снимай это дерьмо, не смей пачкать мои вещи своим гнилым телом!

Ник ядовито усмехнулся. Без малейших колебаний, даже не поморщившись от боли в ребрах, он ухватился за подол, сдернул с себя серую ткань одним плавным движением и смачно швырнул ее прямо в лицо блондину. И вот тут воздух в моих легких предательски закончился. Я просто зависла, начисто забыв, как дышать. Потому что… боже правый, он был потрясающим. Никакой раздутой стероидной массы, только сухое, рельефное тело. Литые плечи, четкие линии косых мышц живота, мощная грудь, за которой явно стояли годы не банальной качалки, а жесткого, изматывающего спорта — скорее всего, единоборств. Даже сеть свежих багровых ссадин и фиолетовых кровоподтеков не портила эту чертову картину, а лишь добавляла опасного шарма.

Мой взгляд откровенно прилип к его кубикам пресса. Секунда молчания затянулась до неприличия. Ник это заметил. Уголок его разбитых губ медленно пополз вверх в самодовольной, наглой усмешке. Он наклонился чуть вперед и ощутимо, дразняще щелкнул меня пальцем по кончику носа:

— Эй, мышка. Смотри, слюнями не захлебнись.

Краска мгновенно залила мне щеки и шею до самых корней волос. Позор какой!

Сэм яростно фыркнул, скомкал футболку в кулаке и зло бросил:

— Урод. Я сейчас вернусь, — и быстрым шагом вылетел из кухни, видимо, чтобы не прибить гостя прямо при матери.

В горле пересохло так, словно я неделю брела по пустыне, а сердце колотилось где-то в районе ушей. Нужно было срочно промочить связки и сделать вид, что я абсолютно невозмутима. Взгляд метнулся по столу и зацепился за ту самую прохладную оранжевую жестяную банку, которую пару минут назад принес Сэм.